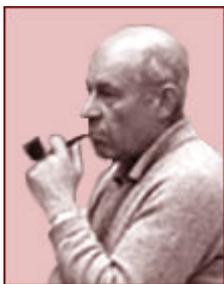


## Игорь Леонович НЕРСЕСОВ. ПО ТУ СТОРОНУ НАУКИ. ВЕСЕЛОЕ И ГРУСТНОЕ. \*) (Воспоминания о встречах с И.Л.Нерсесовым).



С 1955 года и в последующие 25 лет сводная обработка данных о землетрясениях и изучение сейсмичности Среднеазиатского региона проводились на Центральной сейсмической станции "Ташкент", тогда принадлежавшей Геофизическому институту АН СССР (ныне ИФЗ). В 1960 году сейсмостанция была передана в ведение Института математики АН Узбекистана, а в 1963 году - в Институт геологии и геофизики этой академии. Нашим наставником в ту пору была Надежда Александровна Введенская - ведущий сейсмолог ИФЗ.

В 1964 г. при поддержке других известных ученых ИФЗ - Е.Ф.Саваренского, М.А.Садовского, Н.В.Кондорской, С.В.Медведева, И.Л.Нерсесова и Ю.В.Ризниченко в Ташкенте был организован первый в стране Среднеазиатский региональный центр Единой Системы Сейсмических Наблюдений (ЕССН). После широко известного Ташкентского землетрясения 1966 года в системе республиканской академии наук был создан Институт сейсмологии, а ЦСС "Ташкент" преобразована в Ташкентскую сейсмологическую обсерваторию (ТСО) этого института.

С тех пор в ТСО и у нас дома перебивали многие знаменитые отечественные и зарубежные сейсмологи. Не раз бывал и Игорь Леонович Нерсесов. Будучи человеком "экспедиционным" и очень скромным, он старался не утруждать людей каким-либо вниманием к себе. В его портфеле всегда был чистый вкладыш для спального мешка, и он предпочитал ночевать либо в саду, либо в помещении ТСО, но ни в коем случае - в нашем доме, как бы мы его ни уговаривали.

С именем Игоря Леоновича в те годы были неразрывно связаны такие "фаворитные" тогда научные проблемы, как "сейсмичность", "сейсмический режим" и "прогноз землетрясений". И.Л.Нерсесов был незримым "хозяином" всей сейсмичности Средней Азии, хотя его "владения" дислоцировались главным образом в таджикистанском Гарме и казахстанском Талгаре. Имя Нерсесова, нередко грозное, но всегда значимое, повседневно витало над всеми нами, местными среднеазиатскими сейсмологами.

Мое первое знакомство с Игорем Леоновичем произошло в 1957 г., когда возглавляемой им Комплексной сейсмологической экспедицией (КСЭ) ИФЗ совместно с АН Казахской ССР и Институтом математики АН УзССР были начаты экспедиционные работы по изучению региональной сейсмичности бассейна реки Нарын, включая восточную, узбекистанскую, часть Ферганской долины. Одним из результатов этих исследований явилась первая в моей жизни небольшая монография "Сейсмичность Узбекистана" (1961), одним из ключевых авторов которой был Игорь Леонович. В дальнейшем, кроме еще одной публикации в *Tectonophysics* (1972), у меня с И.Л.Нерсесовым совместных работ не было. Однако в контакте с ним мне приходилось бывать не один раз. Особенно запомнилась совместная месячная поездка в США в 1977 году, очень насыщенная не только научными, но и бытовыми событиями.

В течение всего месяца (это был февраль, снежный и морозный на востоке США, теплый и солнечный - в Калифорнии) мы с Игорем Леоновичем не расставались ни на один день. Жили вдвоем в скромных и недорогих двухместных номерах гостиниц в пригороде Вашингтона, Нью-Йорка, в отелях на окраине Сан-Франциско, в мотеле недалеко от Менло-Парка, где сосредоточена Геологическая служба США. В Бостоне, куда мы попали с самого начала, из тех же экономических соображений, трое суток жили не в гостинице, а на квартире у известного геофизика Питера Молнара, профессора Массачусетского технологического института. Питер, который тогда только развелся со своей женой, жил в одиночестве и питался не очень калорийно. Помню, в первый вечер после нашего прилета, кроме печенья, двух бутылок кефира и каких-то бутербродов, а также двух наших бутылок водки, которые мы законным образом ("по разрешению директивных органов") привезли с Игорем Леоновичем из Москвы, на столе ничего не было. Но были надежды на успешное решение проблемы прогноза землетрясений и неугасимый энтузиазм.

Позже кулинария заняла у нас с Игорем Леоновичем немалую часть времени. Например, на следующий день после поселения нас в отель на окраине Сан-Франциско, по предложению Нерсесова, я подыскал более дешевый двухместный номер, с кухней в придачу, в мотеле недалеко от Менло-Парка. С этого момента мы стали по очереди с ним готовить завтрак, ужин, а в выходные дни - и обед. Чаще всего это были куриные супы с лапшой, которая нередко из-за наших просчетов застывала у нас на глазах в виде запеканки, в результате чего сразу же получалось и неплохое второе. Конечно, куры быстро нам надоели и мы уже не могли не только видеть их изображения на рекламных плакатах "Кентуки-чicken", но и даже слышать о них. Однажды про-

изошел забавный случай в гостях у профессора Роберта Уоллеса, проживавшего в шикарном особняке в пригороде Сан-Франциско (в непосредственной близости от знаменитого разлома Сан-Андреас, чем он всегда гордился). Его симпатичная и очень заботливая супруга, приготовив нам по куску жареного цыпленка, внимательно смотрела, как мы прореагируем на столь экзотическую, по ее мнению, для нас еду. По наивности она даже спросила, пробовали ли мы в Советском Союзе когда-нибудь нечто подобное... И можно было себе представить, какую гордость за нашу страну мы испытали, когда неожиданно прилетевший откуда-то Алексей Всеволодович Николаев приготовил вместе с Нерсесовым в тот же вечер в доме Роберта Уоллеса, в необычайно большой кастрюле и в обыкновенной электрической духовке, настоящий узбекский плов. За добавками выстраивались длинные очереди американских гостей Уоллеса.

К Игорю Леоновичу наши американские коллеги всегда относились с большим почтением и, как оказалось, очень хорошо знали все стороны его непростого характера. Однажды, когда Роберт Вессон о чем-то рассказывал Нерсесову, я попросил его говорить немножко громче, чтобы глуховатому Игорю Леоновичу было лучше слышно, на что Роберт лукаво заметил, что Игорь Леонович всегда хорошо слышит то, что ему нужно, и не слышит, чего не хочет слышать. Кстати, накануне очередной поездки в гости к Роберту Вессону (он жил тогда в Рестоне, под Вашингтоном), я посетил наше посольство в Вашингтоне и купил в их внутреннем магазине две бутылки водки (там она в несколько раз дешевле, чем в городе), чтобы взять их с собой к Роберту. Там же приобрел наряду с другими сувенирами и три модных тогда женских парика для своей жены и двух сестер. Вернувшись в отель, и после снятия нескольких проб с русской водки американского разлива, мы приступили к примерке париков. Стоя в трусах перед зеркалом, Игорь Леонович не смог сохранить свой традиционно строгий вид, увидев в себе симпатичную длинноволосую блондинку с красивыми черными глазами и умеренно выпуклым животом. Мы еще долго хохотали над нашими нарядами, примеряя по очереди каждый из париков и шутя бегая друг за другом по комнате, пока за нами не приехал Вессон.

Когда мы с Нерсесовым прогуливались по улицам Сан-Франциско или Нью-Йорка, громко разговаривая, нас часто окликали русскоязычные местные жители. Одни приглашали отведать украинского борща или русских пельменей, другие зазывали купить у них со скидкой какой-нибудь ходовой товар. Так, однажды на Брайтон-Бич Игоря Леоновича наши земляки уговорили купить дубленку и какие-то необычные джинсы, которые затем долго стояли у нас в гостинице в углу, совершенно самостоятельно, на своих твердых как железо штанинах. Помню, как Нерсесов по-детски радовался удачной покупке им трех крупных блоков музыкального центра. Я, конечно, разделил тогда его радость, хотя никак не мог понять, что хорошего в этих дюралевых устройствах, более похожих на сейсмометрическую аппаратуру, чем на тонкие музыкальные инструменты. Позже, уже вернувшись в Ташкент, я узнал от своего семнадцатилетнего сына, что это была тогда самая современная и модная техника и что хорошие джинсы, действительно, должны стоять как вкопанные.

Игорь Леонович располагал к себе и не только американцев, с которыми долгие годы сотрудничал в КСЭ. В апреле 1979 года мы вновь оказались с ним вместе в составе советской делегации в Париже, в Штаб-квартире ЮНЕСКО, на международном симпозиуме по прогнозу землетрясений. В отличие от всех предыдущих симпозиумов на этот раз проблема прогноза обсуждалась не столько с научной, сколько с государственной и общественной точек зрения. Самое серьезное внимание было уделено социально-экономическим и чисто человеческим аспектам этой проблемы. Одной из весьма представительных тогда была делегация китайских сейсмологов, которые после их "культурной революции" впервые появилась на международной арене. Тогда сохранялись еще натянутыми отношения между нашими странами, и во время заседаний мы поначалу молча поглядывали друг на друга. Первыми не выдержали китайцы и, отозвав нас в кулуары коридоров здания ЮНЕСКО, заговорили об искреннем желании сотрудничать с советскими сейсмологами и о надежде, что такое время скоро наступит. И они не ошиблись. Вновь между нами, как и прежде, завязалась теплая дружба и возобновились тесные научные контакты (см. раздел "Фото").

Игорь Леонович всегда был ключевой фигурой в Межведомственном Совете по сейсмологии и сейсмостойкому строительству (МСССС АН СССР), кто бы его ни возглавлял - Е.Ф.Саваренский, С.Л.Соловьев или М.А.Садовский. Его голос всегда был значимым и решающим. От него всегда веяло твердой уверенностью и знанием дела. Его уважали и именно к нему тянулись сейсмологи из всех союзных республик.

Последняя запоминающаяся встреча с И.Л.Нерсесовым состоялась у меня в трагической обстановке, в Ереване, после катастрофического Спитакского землетрясения, случившегося 7 декабря 1988 года в северной Армении и по силе превысившего на 2-3 балла оценку, даваемую действовавшей тогда картой сейсмического районирования 1978 года (СР-78). Игорь Леонович уже плохо себя чувствовал и прилетел в Ереван с некоторым опозданием, хотя почти круглосуточно по телефону из Москвы профессионально консультировал местных сейсмологов и спе-

циалистов из ИФЗ, прибывших на помощь своим армянским коллегам. Эту страшную катастрофу невозможно было осознать, даже увидев произошедшее своими глазами... В результате землетрясения погибли десятки тысяч человек, а у сотен тысяч жизнь оказалась искалеченной. В течение нескольких секунд только в одном Ленинакане обрушилось более 200 зданий...

Будучи членом-корреспондентом Академии наук Армении и одним из членов редколлегии не оправдавшей себя карты СР-78, И.Л.Нерсесов особо остро переживал происшедшее. Его душевное состояние в те дни усугублялось еще и тем, что на одном из закрытых заседаний правительственной комиссии, возглавляемой Председателем Совмина СССР Н.И.Рыжковым, на котором мне довелось присутствовать, президентом АН Армении В.А.Амбарцумяном в грубой форме с трибуны были высказаны претензии в адрес И.Л.Нерсесова ("диктует из Москвы по телефону, но не приезжает"). Игоря Леоновича, по сути дела, вызывали "на ковер", ища стрелочника, хотя при всех промахах карты СР-78 (кстати, для своей территории составленной самими же армянскими сейсмологами) давно всем было очевидно, что массовые разрушения и огромные жертвы в Спитаке и особенно в Ленинакане вызваны чрезвычайно низким качеством местного строительства и аварийным состоянием жилых и общественных зданий. Задолго до Спитакского землетрясения об этом много говорилось и писалось, но не принималось никаких практических мер по укреплению аварийных зданий и переселению их жильцов в более безопасные помещения.

Я думаю, что одной из причин преждевременного ухода из жизни Игоря Леоновича, как и Виктора Ивановича Бунэ - координатора работ по созданию прежней карты сейсмического районирования 1978 года, неожиданно скончавшегося от инсульта, не в малой степени были Спитакская катастрофа и связанные с ней нервная обстановка в среде сейсмологов. В.И.Буне не стало в 1991 году, а И.Л.Нерсесову, находящемуся уже на постельном режиме, пришлось пережить еще одну сейсмическую трагедию - Нефтегорское землетрясение на Сахалине в мае 1995 года, унесшее около двух тысяч человеческих жизней. Здесь уместно привести высказывание Владимира Николаевича Страхова, вступившего на должность директора ИФЗ в день армянской трагедии, опубликованное им в журнале "Природа" в 1989 году, о проблемах чисто психологического плана: "Первая из них - психологический климат среди ученых, занимающихся вопросами оценки сейсмической опасности и прогноза землетрясений. Естественно ожидать, что сам гуманный характер стоящих перед ними задач должен был бы спланировать их. На самом деле ничего подобного нет: специалисты разбились на ряд соперничающих группировок, занятых бесконечной неконструктивной критикой и взаимными обвинениями, и если в публичных выступлениях политес еще как-то соблюдается, то в кулуарах страсти переходят все мыслимые границы..." ("Природа", №12, 1989 г., стр. 9).

Действительно, нравственная ответственность настоящего ученого, преданного делу сейсмолога, проектировщика и строителя перед обществом должна быть чрезвычайно высокой. Ответственность за свои слова, дела и поступки, за полноту своих знаний и умение пользоваться ими. Ответственность перед наукой, людьми и своей совестью. Это прекрасно понимал и таким был Игорь Леонович Нерсесов - великий труженик и человек науки.

---

\*) Уломов В.И. По ту сторону науки. Веселое и грустное // Воспоминания о И.Л. Нерсесове. М.: ОИФЗ. 2000. С. 48-53.